

Е.Г.Драгалина-Черная

**«ДОБАВЛЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ».
ОТ ИНТЕНЦИЙ К ИНСТИТУЦИЯМ**

ABSTRACT. For the last twenty years ontology has extended its scopes, takes back its intellectual respectability and has got many new friends. One of them is engineering including software ontological engineering. But the promising friendship of ontology and engineering gives rise to a worry: Do ontological engineers take into consideration methodological lessons of transcendental and analytical criticism of old-fashioned dogmatic ontology? From this point of view I would like to discuss the proposal of L.Baker which I call an intentional essentialism. On my view, this intentional essentialism faces some serious puzzles. The point is that the definition of an essence of an artefact as its proper function intended by a producer presupposes the ability to divide all artefactual functions on essential (or proper) and unessential. At the same time we have to take into account not only the intentions of a producer, but also “social institutions and conventions” which “are necessary conditions for the existence of many kinds of artefacts”. However actual practice of social use of artefacts frequently finds out their new useful functions “unintended” by their producers. I mean, for example, «peace professions» of cosmic artefacts or drugs. So functions of artefacts depend on a collective we-intentionality of their producers and users. Thus we cannot define an essence of an artefact as an intention of its producer only. Moreover our grasping of the difference between essential and unessential artefactual functions is normative. Therefore, from my point of view, it makes no sense to define an essence of an artifact as “what the artefact most fundamentally is”, because we ascribe to it status, constitutive functions depending not only on physical properties of an artefact, but also on institutional acts of collective ascribing of these functions.

Dealing with institutional reality we cannot have any constructive idea of “a complete inventory of all that exists”. It is impossible to speak about completeness of any transcendental reality. If we want to have “a complete inventory”, “all that exists” should be related to a conceptual system. But according to ‘Alexander’s Dictum’— To be real is to have effects - the very institutional act of accepting of a conceptual system becomes “ontologically significant” fact of institutional reality. We don’t live in a mindless, meaningless universe. Institutional reality is changing by the acts of institutions. Therefore we cannot have “a complete inventory of all that exists” if existence itself depends on social institutions. Fortunately we don’t really need such complete inventory for proving Ontological Significance of Artefacts. An advice of two great engineers in philosophy – L.Wittgenstein and C.S. Peirce – seems to me very useful for the ontology of artefacts: “Don’t ask about essence ask about functions and effects”. Instead of focusing on the essence of artefacts, we may try to construct a deontology of artefacts. It would be a nice challenge if we shift attention from the essence to functions and effects. If we don’t try to find essence or “stuff” of “all that exists” a promising deontology of artefacts may navigate a safe way between eliminativism and essentialism.

KEY WORDS: *ontology, artifacts, eliminativism, intentional essentialism, institutional reality, constitutive functions, we-intentionality*

«Гордое имя онтологии ... должно быть заменено скромным именем простой аналитики чистого рассудка» - строгий урок скромности, преподанный онтологии более двухсот лет назад И.Кантом (см. [Кант 1994, 190]). Триумфальное возвращение онтологии, осужденной кантовской критикой на анонимное существование под псевдонимом «аналитики чистого рассудка» и, казалось бы, бесповоротно редуцированной до «формального модуса» философами – аналитиками прошлого века, стало знаменательным событием в истории современной философии. Реабилитируя свою интеллектуальную репутацию, запятнанную вековыми догматическими притязаниями, онтология обрела нового, весьма неожиданного союзника – инженерию. Именно инженерия создала ту «добавленную реальность» артефактов, которая возбудила проблематичностью своего онтологического статуса утраченный от однообразной «реалистической» диеты онтологический аппетит. Вместе с тем, возвращение онтологии в виде инженерных онтологических проектов, варьирующихся от онтологии технических артефактов до онтологий предметных областей (*domain ontologies*) инженерии знаний, вызывает серьезную методологическую озабоченность. Не является ли «онтология» философствующих инженеров тривиальной данью моде, узурпацией красивого и компактного термина, которым не смогла по-хозяйски распорядиться философия? Обладает ли экспликативным и эвристическим потенциалом диалог инженерных онтологических проектов с философской онтологией? Релевантны ли для новообращенных онтологов методологические уроки, извлеченные аналитической и трансцендентальной традициями из критики догматической онтологии?

На мой взгляд, адекватной экспликации онтологического статуса артефактов угрожают две равно опасные методологические крайности – элиминативизм и эссенциализм. Если элиминативизм просто отказывает артефактам в онтологической значимости по причине их зависимости от интенций создателей, то эссенциализм стремится выявить сущность артефактов, которая обеспечила бы им онтологически значимое существование. К эссенциалистам могут быть, в частности, причислены все те исследователи, которые, полемизируя с элиминативизмом, не усматривают какой-либо онтологической ущербности артефактов в их зависимости от интенций создателей, но, напротив, полагают эти интенции сущностью артефактов, придающей онтологическую значимость их существованию. «Эссенция предшествует экзистенции» - фундаментальный эссенциалистский принцип такого подхода, постулирующего в качестве сущности артефактов интенции их создателей. Видный представитель подобного *интенционального эссенциализма* – Линн Раддер Бейкер, программная статья которой открывает данный сборник.

Согласно определению Л.Бейкер, нечто обладает онтологической значимостью, если и только если его описание должно включаться в полный перечень всего того, что существует. При таком подходе работа онтолога сводится к инвентаризации, каталогизации и архивированию родов сущего. Вместе с тем, Л.Бейкер убедительно оспаривает онтологическую ценность классической дихотомии зависимого и независимого от сознания. На мой взгляд, критика этой дихотомии входит в диссонанс с установкой на «инвентаризацию реальности», усугубляя изначальную непрозрачность авторской дефиниции онтологической значимости. В определяющей части этой дефиниции мы встречаем так и не проясненное за всю долгую историю онтологии понятие - «все то, что существует». Подход Л.Бейкер не вносит, к сожалению, заметного вклада в это прояснение. С одной стороны, её отказ от дихотомии зависимого/независимого от сознания исключает «наивное» понимание «всего того, что существует» как независимого в своем происхождении и существовании от сознания. С другой стороны, онтология, рассматриваемая как перечень, инвентарь «всего того, что существует», допускает истолкование в стиле онтологической инженерии предметных областей как информационный ресурс, концептуальная модель, приближающаяся по своим функциям к тезаурусу, когнитивной карте, системе таксонов. При таком истолковании обязанностью онтолога действительно становится каталогизация, но не «сущего-как-такового», а семантических примитивов - базисных понятий концептуальной схемы. В его задачи также входит систематизация иерархических отношений между семантическими примитивами и другими образующими концептуальную схему понятиями. Именно к такому «информационному» истолкованию онтологии тяготеет, на первый взгляд, подход Л.Бейкер, устанавливающий прямую корреляцию между онтологической значимостью и принадлежностью к «первичному виду». По определению, «если x принадлежит к первичному виду F , то x онтологически значим в силу того, что он является F » [Бейкер 2011,]. Однако критерием принадлежности к первичному виду оказывается некое эссенциалистское «условие сохранности»: «Проверить, является ли вид первичным или не первичным, можно, задав вопрос: если бы эта (например) кошка не была бы кошкой, продолжала бы она существовать? Ответ отрицательный; *кошка* – это первичный вид. А если бы мы спросили, существовала бы студентка, не будь она студенткой? Ответ положительный; *студентка* – не первичный вид» [Бейкер 2011,]. Совершенно в духе схоластического эссенциализма «то, чем должно быть кошке» вводится как *quiddity* - онтологический коррелят дефиниции. Онтологически значимое существование некоей сущности в качестве первичного вида конституируется тем, что она есть с необходимостью, и никак не связано с исполнением ею функции

семантического примитива в рамках базисной концептуальной модели. Например, онтологическая значимость артефактов устанавливается безотносительно к какой-либо концептуальной модели и гарантируется их принадлежностью к первичному виду, который, в отличие от других первичных видов, подразумевает собственную функцию – «цель или способ использования, задуманный производителем» [Бейкер 2011,].

Со времен Аристотеля эссенциализм различает предикации *kath hauto* или *per se* (существенные), включающие предикации *что*-универсалий, и предикации *kata sumbebekos* или *per accidens* (случайные) предикации, включающие предикации *как*-универсалий. В полном соответствии с классической традицией определение сущности артефакта через его собственную функцию предполагает спецификацию сущностей базисного уровня, опирающуюся на разделение всех функций артефакта на существенные (собственные) и несущественные. Определяя как собственные такие функции артефактов, «ради осуществления которых их разработали и произвели, независимо от того, выполняют ли они успешно эти функции или нет» [Бейкер 2011,], Л.Бейкер апеллирует к интенциям создателей артефактов, но также к «социальным институтам и обычаям тех, кто их использует» [Бейкер 2011,]. Однако практика коллективного использования артефактов зачастую обнаруживает у них новые полезные функции, не «запланированные» создателями, такие как, скажем, «мирные профессии» космических технологических объектов или фармакологическое воздействие лекарственных препаратов на новые, не известные их создателям болезни. Зависимость функций артефактов от коллективной *we*-интенциональности не только их создателей, но и пользователей приходит в противоречие с пониманием сущности артефактов как того, что определяется исключительно намерениями разработчиков, и, более того, исключает возможность какой бы то ни было вненормативной дихотомии собственных и несобственных функций артефакта, а, следовательно, определения его сущности как «того, чем он является в своей основе» [Бейкер 2011,]. Впрочем, и сама Л.Бейкер признает, что артефакты имеют «врожденный нормативный аспект». «Я утверждаю, - пишет она, - что нормативность артефактов должна быть понята как часть реальности, а не только “наших понятий”» [Бейкер forthcoming]. Однако в таком случае ключевая для подхода Л.Бейкер идея «полного перечня всего того, что существует» лишается, на мой взгляд, какой-либо конструктивности. О полноте можно говорить лишь в отношении концептуальной модели, теории, тезауруса, для институализации которых необходимы перформативные акты коллективного принятия. Но сами эти акты становятся «онтологически значимыми» фактами институциональной реальности, «прибавляя новое к тому, что уже существует» в полном соответствии с принимаемым самой Л.Бейкер

принципом Александра: «Быть реальным значит обладать эффектом». Акты институализации меняют институциональную реальность. Существование чего бы то ни было в реальности такого рода оказывается зависимым от социальных институций. Таким образом, «полный перечень всего того, что существует», само составление которого меняет «полный перечень всего того, что существует», превращается в абсолютно нереалистический идеал.

Достижение этого идеала не представляется мне, однако, ни необходимым, ни даже желательным для доказательства онтологической значимости артефактов. Стратегически важным для такого доказательства является, на мой взгляд, методологический совет, объединяющий двух великих философов, не случайно сочетавших занятия философией с инженерной практикой - Ч.С.Пирса и Л. Витгенштейна: «Не спрашивайте о сущности, спрашивайте о функциях и эффектах!». Следуя этому совету, лучше не растрачивать силы на поиски спрятанной где-то в глубине артефактов сущности, а постараться описать функции артефактов и процедуру приписывания им этих функций. Очевидно, что в случае артефактов мы имеем дело со статусными, конститутивными функциями, реализация которых обеспечивается не только физическими свойствами артефактов (которые, строго говоря, не являются чисто физическими в силу отмеченной выше онтологической неадекватности дихотомии зависимого/независимого от сознания), но и институциональными актами коллективного приписывания этих функций. «Институциональная онтология человеческой цивилизации, особенности, которые отличают человеческую институциональную реальность от социальных структур и поведения других животных, - отмечает Дж. Серл, - являются следствием статусных функций, наложенных в соответствии с конститутивными правилами и процедурами. Статусные функции - это тот связующий фундамент, на котором зиждется общество» [Серл 2007, 14].

Приписывание статусных функций не означает постулирования особого рода абстрактных сущностей - сущностей артефактов, извлекаемых из особой «добавленной» реальности. «Статусная функция должна быть представлена в качестве существующей, чтобы вообще существовать» [Серл 2007, 16] - подчеркивает Дж. Серл. Эта онтологическая специфика статусных функций накладывает методологический запрет на любые попытки построения эссенциалистской онтологии артефактов. Использование артефакта не требует овладения его абстрактной сущностью в эмпатическом акте «схватывания» интенций его создателей, скорее оно представляет собой действие в соответствии с инструкцией - витгенштейновское «следование правилу». Как подчеркивает Л. Витгенштейн, «мы действуем лишь на основе правила, не

прибегая ни к какому другому руководству» [Витгенштейн 1994, 168]. «У нас нет, - пишет он, - такого чувства, что мы вынуждены постоянно ожидать кивка (шепота) правила. Наоборот, мы не ждем с напряжением, что же оно нам сейчас скажет. Оно всегда говорит нам одно и то же, и мы выполняем то, что оно диктует нам. Человек, обучающий кого-то, мог бы сказать ему: “Смотри, я делаю всегда оно и то же: я...”» [Витгенштейн 1994, 168].

Для корректного использования артефактов мы нуждаемся в инструкциях, а не в «добавленных» сущностях, волшебным образом доставляющих нас в отдельную «добавленную» реальность. Институциональная реальность вообще не распадается на две (Г.Фреге и К.Поппер насчитывали даже три) «отдельные» реальности, но обладает целостностью «жизненного мира». Этот «жизненный мир» постоянно порождается субъективными актами коллективного конституирования и характеризуется неустранимой историчностью. Историчность «жизненного мира», обратное воздействие артефактов «особых миров» науки на «жизненный мир» - одна из ведущих тем трансцендентальной феноменологии Э.Гуссерля, который акцентировал внимание на трансцендентальном характере культурных новаций, меняющих сами конститутивные основания «жизненного мира». У «цивилизованных» людей, которые сосуществуют в одной культуре с «нецивилизованными», артефакты «особых миров» науки становятся «доверительно знакомы», входя в их «домашний мир». При этом обратное воздействие «особых миров» науки на донаучный мир может, по Гуссерлю, носить характер «вмешательства» (Eingreifen) - сознательного воздействия профессионалов и «втекания» (Einstromen) - незаметного проникновения научных практик и артефактов в «жизненный мир», превращающего их в «естественную» почву для новых практик и артефактов. Применяя категорию «жизненного мира» к классической науке, Гуссерль настойчиво подчеркивал необоснованность её объективистских претензий. «Причина затруднений рациональной культуры, - отмечал он, - заключается ... не в сущности самого рационализма, а в его *овнешнении*, в его извращении “натурализмом” и “объективизмом”» [Гуссерль 1986, 115].

Эссенциалистское истолкование артефактов является, на мой взгляд, симптомом объективистской установки. Гипостазирование интенций создателей в качестве сущностей артефактов игнорирует горизонтную природу интенциональности и влечет недопустимую онтологизацию «жизненных миров», горизонты которых задаются *перспективой первого лица*. Характеризуя заложенные в горизонтах возможности, Э. Гуссерль отмечал: «Повсюду к этим возможностям примешивается некое *Я могу* и *Я делаю*, или *Я могу иначе, чем делаю*, - несмотря на то, что эта свобода, как и любая другая, всегда может встретить препятствия» [Гуссерль 1998, 115]. Перспектива первого лица

неустранима и из витгенштейновского «следования правилу»: «Смотри, я делаю» - вот его принцип. Любая попытка элиминации этой перспективы вызывает к жизни признак третьей сущности, опосредующей внутреннее отношение между правилом и его применением, призрак, провоцирующий философские затруднения типа «скептического парадокса» С.Крипке (см. [Бейкер, Хакер 2008, 167]). Одна из главных методологических рекомендаций Дж. Серла состоит именно в том, что «поскольку институциональная онтология субъективна, ее всегда следует изучать от первого лица» [Серл 2007, 26]. Впрочем, и Л.Бейкер в своих исследованиях, посвященных проблеме самосознания, убедительно показывает, что перспектива первого лица представляет собой серьезный методологический вызов для натуралистического объективизма [Бейкер 1998, 343].

Лишь признание неэлиминируемости перспективы первого лица, исключаящее эссенциалистское истолкование сущности артефактов как «того, чем они являются в своей основе», позволит избежать релятивизма в онтологии артефактов, к которому парадоксальным образом ведет объективистская установка, онтологизирующая субъективную перспективу, наделяемую статусом не подлежащего критической рефлексии «взгляда из ниоткуда».

ЛИТЕРАТУРА

Бейкер 1998 - *Baker L. R.* The first-person perspective: a test for naturalism // *American philosophical Quarterly*, vol. 35, n. 4, 1998

Бейкер 2011 - *Бейкер Л.Р.* Онтологическое значение артефактов // Настоящее издание

Бейкер forthcoming - *Baker L. R.* The Metaphysics of Malfunction (forthcoming in *Techné*)
<http://people.umass.edu/lrb/>

Бейкер, Хакер 2008 – *Бейкер Г.П., Хакер П.М.С.* Скептицизм, правила и язык. М.: Канон+, 2008

Вермаас 2010 - *Vermaas P.* Focusing Philosophy of Engineering: Analyses of Technical Functions and Beyond // I. van de Poel, D.E. Goldberg (eds.), *Philosophy and Engineering, Philosophy of Engineering and Technology 2*, Springer Science+Business Media B.V. 2010

Витгенштейн 1994 - *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы (часть 1). М.: Гнозис, 1994

Гуссерль 1986 - *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии, 1986, №3

Гуссерль 1998 - *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998

Кант 1994 - *Кант И.* Критика чистого разума, М.: Мысль, 1994

Каррара, Соави 2008 - *Carrara M., Soavi M.* Ontology for information systems: artefacts as a case study // *Mind Soc*, 2008, 7, с. 143–156

Рип 2009 - *Rip A.* Technology as prospective ontology // *Synthese*, 2009, 168, с. 405–422

Рубашкин, Лахути, 2005 - *Рубашкин В.Ш., Лахути Д.Г.* Онтология: от натурфилософии к научному мировоззрению и инженерии знаний // *Вопросы философии*, 2005, №1, С. 64 – 81

Савин 2008 - *Савин А.Э.* Концепция историчности жизненного мира в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля // *Вопросы философии*, 2008, № 5, с. 137 – 138

Серл 2007 - *Серл Дж.* Что такое институт? // *Вопросы экономики*, 2007, №8, с. 5-27

Об авторе

Драгалина-Черная Елена Григорьевна — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Государственного университета – Высшая школа экономики, edrag@rambler.ru